

Мамедов Руслан

Студент 3 курса бакалавриата Школы исторических наук, факультета гуманитарных наук, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4.

E-mail: ramamedov@edu.hse.ru

«Кавказские посредники в российской имперской политике на Северном Кавказе. Мемуары Мусы Кундухова.»

(статья написана по итогам курсовой работы 2 курса)

Ключевые слова: аманат, колонизация, мухаджиры, колониальные практики, мемуары.

Mamedov Ruslan

3rd-year bachelor program of the School of History, Faculty of Humanities,
National Research University Higher School of Economics

Address: 105066, Moscow, Staraya Basmannaya st., 21/4.

E-mail: ramamedov@edu.hse.ru

«Local Intermediaries in the Russian Imperial Policy in the North Caucasus.
Memoirs of Musa Kundukhov»

Key words: Amanat, colonization, muhajirun, emigrants, colonial practices,
memoirs.

История взаимоотношений народов населяющих земли Кавказа с представителями России насчитывает уже несколько столетий. В силу различных факторов, как позитивных, так и негативных, складывалась сложная и многогранная парадигма выстраивания отношений.

С началом активной колонизации Кавказа представители имперской политики прибегали к использованию различных практик выстраивания отношений с местным населением. Одним из способов колонизации и интеграции Кавказа в общеимперское сообщество была избрана практика аманатства. По сути добровольного или вынужденного заложничества. Представители кавказской знати в юном возрасте отправлялись на обучение в имперские учебные заведения, чаще всего военного направления, по окончании которых возвращались на Кавказ, но уже в ранге представителей политики Российской империи. Используя данную практику, российская администрация рассчитывала на помощь горцев аманатов. Будучи представителями местных народов и зачастую исповедуя ту же религию, что и местное население, созданные «солдаты империи» – но горцы по происхождению – должны были стать своеобразным посредником между колонизируемым населением и имперской действительностью, какой она представлялась её функционерам. Однако горец аманат зачастую оказывался перед роковой дилеммой о месте собственной личности в развивающейся картине действительности.

Следует отметить, что вопрос о посредничестве в воплощении общегосударственной политики в отдельных регионах остается актуальным и по сей день.

Обратившись к мемуарам видного деятеля эпохи активной колонизации Кавказа Мусы Алхастовича Кундухова, мы можем попытаться воссоздать то, каким образом представитель местных народов Кавказа воспринимал российскую экспансию. Благодаря изучению мемуаров Мусы Кундухова мы попытаемся обратить внимание на то, как автор создаёт концепцию собственной личности в мемуарах, как посредник аманат, используя различные примеры и практики, создает аутентичную парадигму действительности, чем он руководствуется, какие факторы влияют на отображение различных событий. Мы также попытаемся выяснить, каким образом на посредника влияет практика аманатства, и как мы можем проследить это в мемуарах Мусы Кундухова. И, наконец, как Муса Кундухов, быстро продвигавшийся по служебной лестнице и обладавший всеми «благами» представителя империи, приходит к радикальному решению, изменившему не только его судьбу, но и повлиявшему на историю целых народов.

Следует отметить, что в данном исследовании мы не претендуем на выяснение достоверности реалий, описанных в рассматриваемых мемуарах. Для чего потребуется иная

база источников, и что может послужить темой для отдельного исследования. Мемуары представляют интерес как один из аутентичных источников личного происхождения, в котором нам бы хотелось обратить внимание именно на авторское восприятие и конструирование действительности.

Биография Мусы Кундухова в разное время вызывала интерес у целого ряда учёных. Исследователи обращались как к изучению пребывания Кундухова в Российской империи¹, так и к деятельности генерала после эмиграции в Османскую империю². Благодаря целому ряду работ³, и непосредственно самим мемуарам, можно достаточно точно воссоздать жизненный путь автора данного источника⁴. В этой части нашей работы мы попытаемся дать краткий, но в то же время информативный очерк биографии Мусы Кундухова ранее не подававшийся в таком виде.

Муса Алхастович Кундухов, уроженец аула Саниба, был пятым сыном осетина мусульманина Алхаста Кундуха и Долет Ханым, урожденной Дударовой, представителей осетинской знати - алдаров. В двенадцать лет в качестве аманата Муса Кундухов попадает в Петербургский Павловский корпус, откуда по истечении шестилетнего обучения в 1836 году выпускается в должности корнета при кавалерии и направляется на Кавказ для несения службы, где в 1837 году сопровождает в качестве переводчика императора Николая I во время его посещения Кавказской линии⁵. Быстро продвигаясь по служебной лестнице, он уже в 1841 году был произведен в капитаны, награжден орденами Святой Анны 3-й степени (а позже 1-й и 2-й), Святого Владимира 4-й степени и Станислава 2-й степени⁶. После ряда неудач в Чечне и Дагестане М. С. Воронцов, главнокомандующий всеми войсками на Кавказе, в 1848 году обращается лично к Мусе Кундухову с предложением принять участие в переговорах с представителем движения горцев имамом Шамилем. Там Кундухову предложено выступить посредником между имамом и российской администрацией. Однако переговоры, в силу различных причин⁷, не увенчались успехом, вот что пишет сам автор: «Переговоры мои сначала шли очень удачно, но, к сожалению, под конец они не состоялись. Шамиль требовал независимости от русских всех горцев, бывших тогда под его властью, на что князь согласился, исключая из этого числа Малую Чечню. К несчастью, в то самое время, при набеге около гор. Кизляра, небольшой чеченской партией был взят в плен один отставной русский майор, которого, не знаю за

¹ Ганич А. А. Указ. соч. С. 164-177.

² Чочиев Г. В. Указ. соч. С. 65-87.

³ Бобровников В. О. Мухаджирство в «демографических войнах» России и Турции // Восток. №2. М. 2010., С. 68.

⁴ А. Кантемир. Муса Паша Кундухов // Кавказ №4/28. Париж. 1936., С. 13-19.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Ганич А. А. Указ. соч. С. 164-177.

⁷ Там же. С. 171.

что, Шамиль приказал расстрелять. Поступок этот до того рассердил князя Воронцова, что узнав о нем, князь прекратил с ним всякие переговоры»⁸. Муса Кундухов в том же году по приказу Воронцова во главе пополнения конно-горского полка отправляется в Варшаву, а в последствии в Венгрию для участия в подавлении волнений на почве волны освободительных движений. Позднее он был вынужден покинуть службу и вернуться на Кавказ, в связи с переходом его брата Хасбулата на сторону Шамиля. В период Крымской войны (1853-1856 гг.), уже в чине подполковника, М. Кундухов руководит организацией горского конного ополчения и участвует в крупных сражениях против турок в Закавказье⁹. По ее окончании, получив звание полковника, он достигает значительных успехов не только на военном, но и на административном поприще¹⁰. В январе 1857 года Кундухова назначают начальником военного Владикавказского округа¹¹, где он разрабатывает проекты по преобразованию данной территории¹².

В 1860 году Кундухов получает очередное продвижение по службе: в чине генерал-майора его назначают в один из самых проблемных для российской колонизации округов – Чеченский. «В Чечне прежняя вражда и ненависть к русским начинала оживляться с новой силой и надеждою, так что в Нагорной Чечне шатоевцы, чибирлоевцы и ичкерийцы восстали и начали осаждать русские крепости»¹³ - пишет Кундухов.

Кундухов, на основании «Прокламации к чеченскому народу» от имени Александра II заявляет старейшинам чеченских селений, склоняя их к союзу с Российской империей: «Милость Государя чеченскому народу, объявленная уже вам на сборе всех почетных людей ваших, обрадовала меня больше, нежели вас самих. Более добра, более милости народу сделать нельзя. Каждый из вас вполне должен успокоиться не только за свою будущность, но и за будущность своих наследников»¹⁴ Кундухов также предотвращает все нараставшие волнения в регионе¹⁵: «Вступив в управление Чеченским округом, не теряя времени, я начал объезжать все аулы, где как духовенство, так и жители во всех аулах откровенно высказывали мне свои жалобы и неудовольствия на окружное управление и опасения за их будущность». В течении 1863 года администрацией кавказской линии рассматривается проект о переселении чеченцев с их земель и основании целого ряда

⁸ Мемуары Мусы Кундухова; Дарьял [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.shtml, свободный (дата обращения 23.04.2016).

⁹ Ганич А. А. Указ. соч. 164-177.

¹⁰ Там же. С. 169.

¹¹ Мемуары Мусы Кундухова; Дарьял [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.shtml, свободный (дата обращения 23.04.2016).

¹² Там же.

¹³ Мемуары Мусы Кундухова; Дарьял [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.shtml, свободный (дата обращения 23.04.2016).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ганич А.А. Указ. соч. С. 164-177.

казачьих станиц с целью окружения «непокорных чеченцев» и водворения порядка¹⁶. Мусе Кундухову предлагается возглавить организацию данной операции и надзор за переселением, однако будучи противником подобного метода, как крайне неблагоприятного и способного повлечь за собой новые волнения на всей территории Кавказа, Кундухов видит единственный выход из сложившейся ситуации в переселении недовольных русской политикой в Османскую империю¹⁷: «Во избежание бесполезного кровопролития я рекомендовал ходатайствовать у Великого Князя дозволения желающим переселяться в Турцию, объявив всенародно, что не желающие русского подданства могут переходить в Турцию, и убедил его в том, что из Чечни много переселится народу, и тем водворится в крае желанное спокойствие¹⁸.

В мае 1864 года проект переселения, разработанный генералом Кундуховым, одобрен императором Александром II и уже в августе того же года Кундухов отправляется в Стамбул для переговоров с правительством Порты о переселении горцев. По прибытии из своей поездки генерал представляет рапорт, в котором сообщается о согласии османской стороны на переселение горцев, более того Кундухов планирует лично возглавить переселение¹⁹. Вследствие целого ряда встреч и переговоров с представителями чеченских и карабулакских старшин Муса Кундухов убеждает их в необходимости переселения в Османскую империю²⁰: «Я объявил им, что переселение совершится сухим путем по Военно-Грузинской дороге и со всеми удобствами. Они остались очень довольны и поклялись готовиться к переселению, не делая беспорядков в крае»²¹. Первые группы мухаджиров²² этой волны переселения отправляются в направлении Военно-Грузинской дороги в мае 1865 года, однако по прибытии в Турцию мухаджиры расселяются османскими властями вопреки первоначальному проекту. Не вблизи российской границы, а в более малопригодных для горцев районах Диарбекира и Эрзинджана²³. Муса Кундухов с частью осетинских и кабардинских семейств поселяется в селении Батманташ округа Токат²⁴. В конце 1866 года Кундухов отправляется в Стамбул с прошением о предоставлении ему соразмерной его способностям должности на службе у «Высокой Порты»²⁵. В марте следующего 1867 года

¹⁶ Там же. С. 169.

¹⁷ Мемуары Мусы Кундухова; Дарьял [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.shtml, свободный (дата обращения 23.04.2016).

¹⁸ Там же.

¹⁹ А. Кантемир. Указ. соч. С. 13-19.

²⁰ Мемуары Мусы Кундухова; Дарьял [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.shtml, свободный (дата обращения 23.04.2016).

²¹ Там же.

²² Мухаджир (араб.) — уехавший, беженец, эмигрант, сподвижник пророка Мухаммеда, переехавший вместе с ним из Мекки в Медину

²³ Чочиев Г. В. Указ. соч. С. 65-87.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ Там же. С. 72.

Муса Кундухов был представлен к званию Мир-лива (бригадный генерал). Не оставляя без внимания сложное положение части мухаджиров, в 1868 году Муса-паша выступает с предложением о созыве съезда представителей аристократии, духовенства и старшин Сиваского вилайета с целью преодоления критической ситуации сложившейся вследствие конфликтов среди переселенцев и местного населения а также организации незаконных формирований мухаджиров на территории вилайета.

Собравшийся в июле 1868 года съезд принял и одобрил выработанный лично Кундуховым свод правил, регулирующий отношения в мухаджирском сообществе. При посредничестве военного министра постановления съезда были переданы на рассмотрение правительства, однако власти Османской империи придерживались несколько иного взгляда на положение горцев. Опасаясь усиления местной мухаджирской элиты и возможность организации незаконных военных формирований из горцев, совет министров на заседании 31 августа 1868 года постановил поручить командованию 4-й императорской армии досмотр над раздельным переселением горцев с целью растворения эмигрантов среди местного населения. Опасаясь усиления активности колонизаторской политики Англии в Азии и вследствие обострения русско-турецких отношений правительство Российской империи отправляет генерала Фадеева в Стамбул с целью налаживания связей с мухаджирской общественностью для ее использования в противовес английской политики а также исключение вариантов, при которых горцы в очередном возможном русско-турецком конфликте будут сражаться в составе османской армии. Во время встречи с сыном Шамиля Гази - Мухаммадом и Мусой Кундуховым Фадеев предлагает создание автономного государства горцев на границе Афганистана под эгидой Российской империи, однако представители горцев-эмигрантов отклоняют данное предложение²⁶.

С ухудшением российско-турецких отношений вследствие обострившегося «восточного вопроса» в конце 70-х годов XIX века Муса-паша вновь предпринимает попытку организации мухаджиров для возможной интервенции на Кавказ в составе османской армии. Так, в поданной записке на имя великого визиря и военного министра Кундухов предлагает в случае начала боевых действий подготовить и высадить на черноморском побережье десант состоящий из горцев переселенцев²⁷. С началом кампании 1877-1878 года Кундухов принимает участие в формировании десанта состоящего из мухаджиров высадившегося севернее Сухума в середине мая 1877 года. Муса-паше также было предложено лично отбыть в Абхазию для ведения боевых действий, однако Кундухов отказался, заявив, что османские силы десанта слишком малочисленны для удачного

²⁶ А. Кантемир. Указ. соч. С. 13-19.

²⁷ Чочиев Г. В. Указ. соч. С. 65-87.

проведения кампании на Кавказе. Тем не менее Муса-паша принимает активное участие в этой войне на восточноанатолийском фронте. Возглавляя добровольные иррегулярные формирования мухаджиров, он принимает участие в ряде сражений, оказавшихся крайне неудачными в связи с неорганизованностью и непривычной формой ведения боевых действий для горцев²⁸. В начале июня 1878 года Муса Кундухов освобожден от командования иррегулярными добровольческими формированиями и назначен командующим 1-ой пехотной дивизии на Анатолийском фронте. В боях под Бег-ли-Ахметом и Владикарсом сначала в качестве командующего кавалерийской дивизией, а позднее начальника штаба анатолийской армии Муса-паша реабилитирует свое положение и проявляет себя как подготовленного военного²⁹.

На заключительном этапе войны Кундухов принимает участие в переговорах с представителями российских оккупационных войск о сдаче Эрзерума³⁰. После подписания Берлинского трактата и ухода русских из Эрзерума Муса-паша, получивший к тому времени звание ферики (бригадного генерала), был назначен военным комендантом города и вилайета, где принимает активное участие в налаживании обострившихся отношений между христианским и мусульманским населением. В 1879 году Кундухов переведен в Сивасский вилайет, где принимает участие в подавлении мятежей и пленению лидера курдских племен шейха Убейдуллы командуя 8-й бригадой 4-й императорской армией³¹. В 1888 году османское правительство направляет Кундухова в составе экспедиционного корпуса в Багдадский вилайет для подавления волнений среди местных племен Хаманда и Шаммар. Вскоре Муса Кундухов покинул службу и поселился в своем имении в Эрзеруме, где в 1889 году скончался и был похоронен в мечети Нарманлы джами рядом с могилой своего старшего брата Хасбулата - бывшего наиба Шамиля³². Итак, кратко ознакомившись с биографией Мусы Кундухова, мы перейдем к непосредственному анализу его мемуаров.

Рукопись Мусы Кундухова, переданная его внуком Шевкетом Кундухом, и впервые опубликованная в парижском эмигрантском журнале «Кавказ» в 1936-1937 годах представляет собой воспоминания о пребывании в Российской империи генерал-майора, впоследствии дивизионного генерала Османской империи, Мусы Алхастовича Кундухова. Спустя год после публикации в Париже, некоторые главы мемуаров были переведены и опубликованы в англоязычном журнале “The Caucasian Quarterly”, а в России мемуары Кундухова были изданы в полном объеме лишь спустя более полувека после первой

²⁸ Там же. С. 78.

²⁹ Абрамов. Я. Кавказские горцы. – Краснодар, 1927. С. 7.

³⁰ Чочиев Г. В. Указ. соч. С. 65-87.

³¹ Там же. С. 87.

³² А. Кантемир. Указ. соч. С. 13-19.

публикации, в 1995 году в журнале «Дарьял»³³.

Принимаясь за написание мемуаров, уже будучи подданным Османской империи, Муса Кундухов в предисловии к своей работе обозначает задачи и цель её написания. Претендуя на последовательное добросовестное изложение фактов и свидетельств, собранных в ходе «двадцати-девятiletней моей службы в России»³⁴, мемуары являются структурированной работой, поделенной на 12 глав, излагающих события, отобранные автором и характеризующие, с его точки зрения, описанную эпоху. Временные рамки работы Мусы Кундухова поддаются достаточно чёткому определению. Начало первой главы повествует о посещении Кавказа императором Николаем I в 1837 году. В последних же главах автор упоминает о событиях, произошедших на Кавказе уже после его эмиграции, и, скорее всего, известных ему из рассказов мухаджиров поздних волн, датированных автором 1868 годом. Мемуары представляют интерес как произведение, описывающее взаимоотношение российской администрации и колонизируемого населения Кавказа данного периода, чему Кундухов уделяет основное внимание. Здесь дается авторская оценка освободительному движению горцев, основным событиям этого периода Кавказской войны, действиям российской администрации на Кавказе, личностным характеристикам, как уполномоченных империи, так и представителей местных народов, участников событий. Автор упоминает также своё пребывание в составе экспедиционного корпуса в Польше и Венгрии для подавления национально-освободительных движений. В работе присутствует как описание событий, непосредственным участником которых был автор, так и заимствованные свидетельства. Следует отметить также наличие бытовых и порою хрестоматийных рассказов, которыми автор иллюстрирует и подтверждает свои размышления, в результате которых Муса Кундухов делает определённые выводы и обуславливает свои действия.

Однако наш основной интерес к мемуарам Мусы Кундухова вызван вниманием к формированию личности автора в данном произведении, а также авторским способам конституировать действительность под воздействием различных факторов - реальных и воображаемых. Существование на некоей границе культурных миров, по разному взаимодействующих между собой, вызывает у автора целый ряд вопросов о месте его личности в этом соприкосновении и оценке своей деятельности как личностной так и внешней, вызванной и оправданной теми или иными событиями.

³³ Дегоев В. В. Генерал Муса Кундухов история одной иллюзии: Журнальный зал [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/11/degoev.html> свободный (дата обращения 23.04.2016).

³⁴ Мемуары Мусы Кундухова; Дарьял [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.shtml, свободный (дата обращения 23.04.2016).

В самом вступлении к своей работе автор предстает перед читателем как человек, пытающийся с помощью бумаги и пера ответить на ряд вопросов, возникающих перед ним самим. Одной из первостепенных проблем, возникающих при работе с мемуарами, является внимание к интересу, благодаря которому Муса Кундухов приступил к написанию мемуаров: «У кого что болит»³⁵, - заявляет автор «о истине»³⁶, побудившей его взяться за написание мемуаров. Таким образом, М. Кундухов акцентирует внимание на необходимости написания своей работы. Возможно сложное положение горцев эмигрировавших в Османскую империю, нарастающее недовольство среди мухаджиров, вызванное бедственным и порою критическим положением действительности для эмигрантского сообщества, и, наконец, обвинение в адрес Кундухова о лжи и предательстве в попытках склонить горские народы к переселению и принятию подданства Порты, среди части эмигрировавших представителей кавказских народов³⁷, побудили Кундухова к попытке оправдания своего личного выбора.

Выступая с обвинениями в адрес российской администрации на Кавказе, рисуя неблагоприятную картину колонизации края для горцев, автор ставит перед «лучшей частью народа»³⁸ жизненно важный вопрос: остаться в России и покориться, и быть обращенными в христианство, потеряв свою культуру и историю, или же, эмигрировав в Османскую империю и слившись с единоверным народом - «османлы»³⁹, сохранить свой самобытный дух и, вернувшись в составе освободительной армии, очистить Кавказ от колонистов⁴⁰: «Не желая своему потомству горькой участи, я обязан искать ему отечество, и выбор мой, как мусульманина, пал на Турцию, где, безукоризненно слившись сердцем и душой с османлы, оно будет с ними долить скорбь и радость своего отечества... а здесь стыдно и грешно нам слиться с врагом, лишившим нас отечества и всех прав»⁴¹.

Однако, вследствие эмиграции, мухаджиры сталкиваются с целым рядом проблемных ситуаций. Возникших как на бытовом уровне, в связи с конфликтами с местным населением, так и в отношениях с правительством Османской империи⁴². Возможно, именно чувство вины играет основную роль в создании мемуаров, оправдание перед горцами в невозможности должного обустройства их быта в эмиграции⁴³. Интерес к общественно

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Чочиев Г. В. Указ. соч. С. 65-87.

³⁸ Мемуары Мусы Кундухова; Дарьял [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.shtml, свободный (дата обращения 23.04.2016).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Чочиев Г. В. Указ. соч. С. 65-87.

⁴³ Там же. С. 76.

политической жизни мухаджиров, продемонстрированный автором в мемуарах, является для Кундухова одним из способов реабилитироваться в глазах некоторой части горцев.

Одним из аспектов нашего исследования также является стратегия представления автором собственной личности в произведении по отношению к российской гражданской и военной общественности. Представляя себя как верного солдата царя и империи, который, однако, остаётся принадлежать собственному народу и не может, не смотря на долг службы, противостоять своей сущности⁴⁴: «А кто счастьем считает только чины и ордена, тот может быть по своим понятиям, позволит себе сказать, что я, не оценив щедрые награды русского правительства, как неблагодарный человек, перешел в Турцию. На это, кроме того, что читатели поймут, ниже скажу, что я, как солдат, принадлежал царю, но, как человек, ни в каком случае не мог не принадлежать народу»⁴⁵.

Оправдание перед российской общественностью в «предательстве» империи, облагородившей его и предоставившей все возможные блага, сталкивается с описанием критического положения собственного народа⁴⁶, попыткой объективного обоснования своего выбора, представлявшегося автору единственно правильным, и согласованным с собственными представлениями о совести и морали⁴⁷, и, наконец, авторским оправданием перед историей и потомками.

Следует также обратить внимание на один из аспектов мемуарной работы: каким образом автор мемуаров конституирует свою личность относительно тех или иных исторических событий, как он связывает себя с историей, какое место отводит для своей личности в рамках исторического процесса. Это является неким отображением “исторического сознания”, под которым мы понимаем, вслед за И. Паперно, самоосознание или самоутверждение за счет соотнесения своего “я” с событиями истории⁴⁸. Кундухов, связывая свою фигуру с теми или иными историческими событиями, пытается дать определение собственной личности в событиях эпохи. Говоря о концепции мировосприятия горцев, автор акцентирует внимание на их развитии. Характеризуя их ментальные наклонности, Кундухов обращается к историческому процессу⁴⁹.

Будучи представителем имперских интересов и в то же время принадлежавшим к колонизируемым народам, и представителям иной культуры, автор оказывается перед

⁴⁴ Мемуары Мусы Кундухова; Дарьял [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.shtml, свободный (дата обращения 23.04.2016).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Паперно И. А Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. №103.

⁴⁹ Мемуары Мусы Кундухова; Дарьял [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.shtml, свободный (дата обращения 23.04.2016).

выбором, или вернее целым рядом выборов, задаваясь постоянным вопросом, в зависимости от сложившейся ситуации, как действовать. Представитель российской администрации Муса Кундухов обнаруживает неразрывную связь с аспектами обычного права собственной культуры, встретив кровника своего рода и убив его. Таким образом, Кундухов невольно становится заложником адата (обычного права у горцев). Автор раскаивается в этом поступке: «Тут выстрелом из пистолета своего исполнил данный мною обет и Бехо был убит (в чем раскаиваюсь)...»⁵⁰, но обнаруживает себя в совершенно непривычном для его самого ракурсе. Как бы задаваясь вопросом об истинном положении своего «я», Кундухов пытается воссоздать в мемуарах свою модель поведения, при этом, безусловно, проводя неразрывную связь с культурой собственного народа, и, если угодно, придавая ей некую последовательность. Автор также осознает себя как часть исторического процесса развития своего народа, активного политического деятеля и историческую личность⁵¹: «...я не мог не принадлежать народу. И потому должен был переселиться туда, куда лучшая часть его, в числе более ста тысяч дворов, бросая все, кинулась спасаться от жестокого преследования»

Стремление автора к описанию событий реальной действительности неразрывно сопровождается наличием субъективного авторского начала. Различные события предстают перед нами в авторской интерпретации с использованием различных шаблонов, сложившихся в авторском видении действительности, в связи с чем в мемуарах неизбежно возникает элемент специфической авторской окраски, основанной на личностных психологических установках, авторской проекции действительности⁵².

Любой текст, так или иначе, не может существовать вне некоей культурной традиции, пласта окружающих его работ, имеющих общие черты, приёмы, послы. Влияние этого атмосферного пространства не может не отобразиться на формировании содержания работы. Человек не имеет возможности находиться в разрыве с историческим временем, в котором он существует и действует. Текст обладает культурной памятью и существует в неразрывной связи с работами современников, а также предшествующими его появлению текстами⁵³.

Кундухов, возможно сам того не осознавая, отсылает нас к образам, формам, принятым в культурной традиции Российской империи той эпохи. Уже в первых строчках сказывается русское аристократическое образование данное Кундухову, сыну алдара мусульманина попавшему в 1830 году в Санкт Петербург, бурно развивающийся

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Паперно И. А Указ. соч. - С. 384.

⁵² Краева Т. В. Мемуары как источник по истории представлений. Образ русской революции в воспоминаниях В. Сержа / Т. В. Краева // Документ. Архив. История. Современность. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. — Вып. 5. — С. 308-313.

⁵³ Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. — М. : Худож. лит., 1975. — 502 с.

общественный и культурный центр и столицу империи того времени. Павловское Военное училище, общение и дружба с представителями российской военной и интеллектуальной элиты во многом предопределят и создаст модель мировосприятия «корнета из горцев»: «Что же касается до наград моих, то я их не выслужил и не получил как милость по протекции: в продолжение всей моей службы никогда не позволял себе подумать ни о трудности, ни об опасности там, где надлежало исполнить долг службы. Все чины и ордена, кроме корнета и генерал-майора и короны на орден св. Анны 2-ой степени, получил за отличие в делах против неприятеля»⁵⁴ - пишет автор мемуаров, по-видимому, рассматривая «неприятеля» как любого противника Российской империи. Кундухов прибегает к образам, популярным в имперской аристократической традиции той эпохи с презрением к погоне за чинами и наградами, гимнами истинной справедливости и чести, тем самым отсылая читателя к образам героев Грибоедова, Пушкина, Лермонтова⁵⁵: «А кто счастьем считает только чины и ордена, тот может быть по своим понятиям, позволит себе сказать, что я, не оценив щедрые награды русского правительства, как неблагодарный человек, перешел в Турцию...»⁵⁶.

Описывая те или иные события, автор прибегает к сложившимся в его сознании имперскими проекциями о Кавказе, вступившими во взаимодействие с местными моделями восприятия действительности. Говоря о «туземных и примитивных обычаях» горцев Кундухов, в тоже описывает честь и доблесть кавказского характера: «— Мы, понимая истину, что русские подобными блестящими камнями, чинами, золотом и серебром хотят помрачить навсегда блеск (нур) Кабарды, просим Бога, чтобы отныне навсегда всякий кабардинец отворачивался как от харама (запрещенного) от русских подарков и чинов, от которых мы, как от харама, перед нами и перед потомством омываем себя вот этой Баксанкой. Со словами этими подарки из рук князей полетели в глубину быстротекущего Баксана. В это время из среды съезда раздались многочисленные громкие голоса: — Афорни! (браво). Вот что значит чистая кровь! Вот что требует намус (честь)»⁵⁷.

Так перед нами предстают хрестоматийные и порою полумифические образы Бейбулата Таймиева и Хаджи - Мурата Хунзахского, к которым в разное время обращались как историки так и литераторы.

Вопросом также является то, каким образом автор структурирует и конституирует собственную работу. В некоторых

⁵⁴ Мемуары Мусы Кундухова; Дарьял [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.shtml, свободный (дата обращения 23.04.2016).

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

моментах, приёмах описания, перед нами предстаёт типичный представитель военной элиты России того времени, генерал и общественный деятель с собственным взглядом на политические и социальные аспекты той эпохи: «К глубокому сожалению система, избранная правительством на Кавказе в буквальном смысле основана на праве сильного. Начальство в отношении народного управления действовало по своему произволу, вопреки своим законам и туземным обычаям. В политике обман, изворотливость и противоречие до той степени были допущены, что народ перестал верить и бывшим благомыслящим начальникам»⁵⁸. Кундухов, возможно сам того не осознавая, вписывает себя в целую плеяду мемуаристов,⁵⁹ участников и свидетелей событий колонизации Кавказа⁶⁰. Не соотнося себя с какой-либо «традицией», автор воспроизводит привычные для него концепции отображения действительности в мемуарном аспекте своей деятельности, характерные для представителей колониального движения на Кавказе. Вопросом для нас также представляется политическая и идеологическая составляющая мемуаров. Критикуя позицию представителей Имамата Шамиля в попытке государственного устройства и ведения антиколониальной борьбы, Кундухов вырабатывает концепцию, в его понимании более «передовую» и «современную». Автор всеми возможными способами старается использовать своё положение для привлечения внимания к кавказской общественности, так, в составленных им записках к администрации Кавказской линии описывается бедственное положение горцев с целью привлечения внимания и изменения ситуации. Кундухов также рассматривает возможности на определённых условиях добровольного перехода Кавказа под протекторат Российской империи⁶¹. Кундухов видит благоденствие и процветание Кавказа в установлении доверительного в политическом и социальном аспектах отношения к местным народам со стороны российского руководства края, путём введения законов, объявления прокламаций и просвещения горцев⁶². Однако, вследствие целого ряда инцидентов,⁶³ Кундухов изменяет свои взгляды на будущее горцев и видит единственным правильным шагом эмиграцию представителей кавказских народов в единоверную Османскую империю⁶⁴ с последующей консолидацией кавказских народов и освобождением Кавказа,⁶⁵ в результате освободительного похода в составе турецкой армии для установления кавказской

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1816-1843. - М.: Студия «Тритэ», 1997. – 495с.

⁶⁰ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М.: «АИРО–XXI». 2008 г. – 456 с.

⁶¹ Там же.

⁶² Мемуары Мусы Кундухова; Дарьял [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.shtml, свободный (дата обращения 23.04.2016).

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

государственности⁶⁶: «Вечером сын мой спросил меня, зачем я ездил в Стамбул. Я открыл ему свое намерение переселиться в Турцию и тем предоставить потомству нашему случай и возможность с помощью миллета (народа) Ислама вернуть нам священный Кавказ»⁶⁷.

Кундухов в мемуарах не предстает русофобом и противником Российской империи, напротив, изобличая российское правительство, избравшее ошибочную и порою преступную политику.⁶⁸ Здесь характерным представляется диалог Кундухова с одним из станционных зрителей, в котором последний выражает скорбь о будущем переселенцев: «Ваше Превосходительство, какое сердце не заплачет, видя эту печальную картину. Ведь надо Бога бояться. Земля их родная, зачем мы их гоним Бог знает куда? Я их спрашиваю, куда они едут. Говорят, что в Турцию, но что с ними будет там, они сами не знают. Из сказанного зрителем я убедился в том, что правительство русское поступает в действиях своих против русской природы»⁶⁹.

Будучи в эмиграции, Муса-паша также не оставляет попыток систематизации и, возможно, юридической кодификации права мухаджиров, созывая съезды представителей эмигрантской общественности и пытаясь создать устав, регулирующий отношения между мухаджирами⁷⁰. Кундухов предстаёт перед читателем мемуаров как представитель политических интересов горцев. Видя и провозглашая возможность политического существования горцев, мы можем проследить эволюцию выработки политической концепции Мусы Кундухова от Кавказа в составе Российской империи к провозглашению возможности существования свободного Кавказа.

Далее нам бы хотелось обратиться к практике аманатства и её непосредственному влиянию на создание модели мировосприятия автора мемуаров.

Практика аманатов была распространена на территории Руси еще со времени Ордынского нашествия. Так, после подписания соглашений победившая сторона обязывала проигравших к аманатской присяге. Само слово аманат имеет арабские корни и означает ряд договорных исламских практик (в т.ч. амана, заключенное Богом с человеком), откуда оно

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Чочиев Г. В. Генерал Муса Кундухов: некоторые факты жизни и деятельности в эмиграции // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М., 2006. С. 65-87.

вошло и в тюркские, где и получило буквальную трактовку: «заложник», «залог», «поручитель».⁷¹

С началом эпохи колонизации Кавказа Российская империя прибегает к практике использования аманатов, что явилось одним из аспектов политических отношений с колонизируемыми народами. Зачастую для закрепления двухсторонних договоров представителей аристократических фамилий выдавали в аманаты в знак подтверждения лояльности⁷² политическим договоренностям.⁷³ Таким образом, Российская империя, заручившись гарантией безопасности в том или ином регионе, продолжала расширение собственных границ. Кроме собственно политических вопросов, выразившихся в лояльности местной аристократии к российской администрации, власти пытались решить и другую проблему - формирования у местного населения иного отношения к российскому правительству через аманатов, овладевших в учебных заведениях империи русским языком. Приобщившись к имперским реалиям, они призваны были стать посредниками, благодаря которым местное население могло бы формировать определенную концепцию восприятия имперской администрации, олицетворяемой представителями собственных народов. Система аманатства, использовавшаяся имперской администрацией на Кавказе, строилась на имперском восприятии колоний. Представители знати колонизируемых народов, «облагороженные» русской культурой, и обучающиеся в учебных заведениях империи, воплощали в себе образ колонизируемого, безусловно знающего о своей земле больше, чем колонизатор. Таким образом, по возвращении на Кавказ для проведения службы аманаты призваны были стать посредниками между правительством империи и колонизируемыми народами. Аманат также представлял интерес для имперского представления о колонии как носитель культуры, с которой сталкивалась колонизаторская политика, используя аманатов как инструмент в создании различных имперских проектов восприятия о Кавказе.

Практика аманатства находит свое отображение и в рассматриваемых мемуарах Мусы Кундухова. Не раз обращаясь к теме аманатства, автор, анализируя данную практику, осуждает политику Российской империи на Кавказе. Автор мемуаров пишет: «В корпусах же не допускали горцев до определенного там курса наук, а выпускали их офицерами в армейские полки не по успехам в науках, как выпускали русских, а по достижении полного возраста, не обращая внимания, умеют ли они даже читать и писать». Кундухов обращает внимание на то, что любой порядочный человек по мере своих возможностей старался не

⁷¹ Аманат//Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 86 т.— СПб., 1890—1907

⁷² Самрина Е.В. Аманатство как социально-политический институт присоединения и покорения новых территорий к Российскому государству в XVII-XIX веках (на примере Хакаско-Минусинского края) // Вестник Дагестанского научно центра. 2013. №49. С. 63-69.

⁷³ Потто В.А. Указ. соч. – 1215 с.

отправлять своих сыновей в аманаты.⁷⁴ В отрыве от своей культуры горцы также забывали местные кавказские традиции и по возвращении на родину для ведения службы вызывали неприязнь среди местного населения.⁷⁵ Автор также указывает на критическое положение аманатов, содержащихся в русских крепостях на Кавказе вместе с арестантами, в следствие чего по возвращении на родину аманаты зачастую питали неприязнь ко всему русскому, видя во всех действиях российской администрации желание путем обмана и коварства колонизировать Кавказ.⁷⁶

На примере Мусы Кундухова весьма показательна практика аманатства. Будучи сыном мусульманина, Кундухов после передачи в аманаты получает российское военное образование в Петербурге. Проникшись русской и отчасти европейской культурой, Кундухов вынашивает планы кардинальной реорганизации жизни горцев, создания единой законодательной системы, отмены «варварских» и «первобытных» обычаев, интеграции и приобщения горского сообщества к общероссийским и европейским реалиям⁷⁷. Однако со временем Муса Кундухов сталкивается с отрицательным отношением к себе со стороны российской администрации и имперской общественности. Вследствие целого ряда примеров нежелания рассматривать горцев как равных союзников и отсутствие стремлений развивать регион со стороны колонизаторов приводит автора мемуаров к заключению о том, что вся политика российского правительства на Кавказе является ошибочной и приводит лишь к разжиганию очередных конфликтов⁷⁸: «К глубокому сожалению система, избранная правительством на Кавказе в буквальном смысле основана на праве сильного... вместе с тем во имя политических интересов исчезало уважение к веками освященным правам, преимуществам и обычаям горцев. Преследование некоторых народов доходит до невероятия»⁷⁹.

Не используя аманата в благих целях, Россия пренебрегает возможностью ознакомления горцев с передовыми культурами и идеями – считает автор мемуаров. Таким образом, горец, взятый в аманаты, зачастую оказывается на разломе двух разных моделей мировосприятия, представляя собственную он оказывается зачастую перед роковым выбором и постоянным вопросом о месте своей личности в взаимодействии разных культур, одновременно близких и далеких от его парадигмы конструирования и восприятия действительности.

⁷⁴ Мемуары Мусы Кундухова; Дарьял [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.shtml, свободный (дата обращения 23.04.2016).

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

Проблему интеграции аманатов на Кавказе и вопрос о пользе данной практики для российской политики в регионе рассматривают и представители имперской администрации. Так, барон Розен в своем рапорте к императору о снаряжении выпускников военно-учебных заведений при отправлении на Кавказ ставит вопрос о целесообразности использования аманатов и их пользе для правительства, предлагая отказать выпускникам «из горцев» в положенном им полном военном обмундировании, а использовать его впоследствии как способ награждения за усердную службу, однако лишь по истечении двух лет. Горцам также запрещалось использовать личные средства для составления обмундирования.⁸⁰ Таким образом, представители колонизаторской политики на Кавказе также ставят под сомнение эффективность использования представителей местных народов, тем самым выражая сомнения в их пользе для правительства. Отсюда и повсеместное подозрение аманатов в связях с освободительным движением горцев. Так, несмотря на достижения Мусы Кундухова в военной службе, часть администрации Кавказской линии все же относилась к нему с недоверием, подозревая Кундухова в связях с воюющими горцами под предводительством Шамиля.⁸¹ Чувство взаимного недоверия было характерно для взаимоотношений кавказских властей и «мирных» горцев. Используя систему доносов, зачастую ложных, администрация не упускала возможности обвинить аманатов в связях с «непокорными» и заключения их под стражу.⁸² Это произошло и с братом Мусы Кундухова - Хаджи Мурзой, который, «разуверившись в обещаниях российского правительства, в 1843 г. присоединился к Шамилю и ушел в Чечню»⁸³.

Пример Мусы Кундухова является наглядным отображением действительности той эпохи. У аманата, по сути вырванного из собственной культуры, выстраивается собственная модель мировосприятия, не являющаяся в то же время исключительно имперской. Таким образом, аманат, созданный с целью посредничества между колонизаторами и колонизируемыми, оказывается исключенным из обеих моделей действительности как имперской, так и местной (кавказской).

Хоть практика аманатства изначально была задумана лишь как один из способов проведения колонизаторской политики Российской империи на Кавказе, ее последствия были гораздо более широкими и отразились не только в политическом аспекте взаимоотношений народов, но и в социокультурной парадигме выстраивания отношений между колонизаторами и колонизируемым населением. При рассмотрении работы Мусы Алхастовича Кундухова достаточно показательным является отображение практики влияния

⁸⁰ РГВИА.Ф.395, оп. 144/437, д. 142. Л. 11.

⁸¹ Ганич А.А. Указ. соч. С. 164-177.

⁸² Там же. С. 168.

⁸³ Там же. С. 169.

аманатства на примере мемуаров одного из деятелей эпохи кавказской войны. Автор мемуаров, используя при этом различные шаблоны и примеры заимствованные из различных культур оказывается на границе культурных миров вступивших в взаимодействие.

Находясь в некоем пограничном состоянии, аманат, таким образом, сталкивается с целым рядом вопросов и попыткой найти на них ответы. Действуя в окружающей его действительности, он прибегает к заимствованным шаблонам и приёмам, вступившим во взаимодействие в созданной им самим модели. Призванный для воплощения колонизаторской политики империи аманат не только не способствовал распространению влияния России на Кавказе, но и порою усугублял отношения между российской администрацией и представителями народов Кавказа.

Таким образом, мы предприняли попытку рассмотрения вопроса о том, как «посредник» выстраивает модель отображения действительности в собственной парадигме. Чем руководствуется автор при написании мемуаров, каким образом отбирает событийные факты и как интерпретирует их. Рассматривая биографию автора мемуаров, мы обратили внимание на то, каким образом практика аманатства повлияла на выстраивание проекта действительности автора в мемуарах.

Список использованных источников и литературы:

I. Источники

Неопубликованные:

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

1. РГВИА Ф. 395 Оп. 144/437, Д. Корнет Кундухов 142. Л. 11.

Опубликованные:

1. Мемуары Мусы Кундухова; Дарьял [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.shtml, свободный (дата обращения 23.04.2016).

II Литература

1. А. Кантемир. Муса Паша Кундухов // Кавказ №4/28. Париж. : 1936. – С. 13-19.
2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 502 с.
3. Бобровников В. О. Мухаджирство в «демографических войнах» России и Турции // Восток. №2. М. : 2010. – С. 68-78.
4. Ганич А. А. Алдар из Тагаурии // Дарьял. № 4. Владикавказ. : 2003. – С. 164-177.
5. Дегоев В. В. Генерал Муса кундухов история одной иллюзии: Журнальный зал [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/11/degoev.html> свободный (дата обращения 23.04.2016).
6. Краева Т. В. Мемуары как источник по истории представлений. Образ русской революции в воспоминаниях В. Сержа / Т. В. Краева // Документ. Архив. История. Современность. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. — Вып. 5. — С. 308-313.

7. Милютин Д. А. Воспоминания. 1816-1843. - М.: Студия «Тритэ», 1997. – 495 с.
8. Паперно И. А. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. №103.
9. Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях с древнейших времен до Ермолова. Вып. 1. Изд. 2-е.— Спб., 1887. – 1215 с.
10. Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М.: «АИРО–XXI». 2008 г. – 456 с.
11. Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. — Репринтное издание 1860 г. — СПб.: Альфарет, 2012. — 160 с.
12. Чочиев Г. В. Генерал Муса Кундухов: некоторые факты жизни и деятельности в эмиграции // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М. : 2006. С. 65-87.

III. Справочные и информационные издания

1. Аманат // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 86 т.— СПб. : 1890—1907.